



БОЛЬШАЯ ПРОЗА
ДИНЫ РУБИНОЙ

Дина
Рубина

ВОТ ИДЕТ МЕССИЯ!..



МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Оформление серии *Алексея Дурасова*

В оформлении книги использована
репродукция картины *Алексея Дурасова*

Рубина, Дина.

Р82 Вот идет Мессия!.. / Дина Рубина. – Москва :
Издательство «Э», 2017. – 416 с. – (Большая проза
Дины Рубиной).

ISBN 978-5-699-98124-3

Всегда и во всем меня интересует только человек со всеми его потрохами: любовью, одиночеством, беспокоемством, тщеславием, желанием бежать до горизонта высунув язык, ужасом перед смертью, жаждой счастья, а главное – с его вечным ожиданием Мессии, который вот явится с минуты на минуту и распутает наконец все, что мы тут, на Земле, запутали...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98124-3

© Д. Рубина, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

Я верую полной верой в приход
Мессии, и хотя он медлит, я буду
ждать каждый день, что он придет.

Маймонид.

13 принципов веры

— Доброе утро, дорогие радиослушатели! Радиостанция «Русский голос» начинает свои передачи из шестой иерусалимской студии. Сегодня девятнадцатое марта, вторник, по еврейскому летоисчислению — каф зайн месяца адара, пять тысяч семьсот пятьдесят пятого года. Прослушайте сводку новостей, с которой вас познакомит Алона Шахар.

— Пятеро солдат убиты и четверо ранены в результате вчерашних столкновений с террористами из отряда «Хизбалла» на границе с Ливаном. Боевики «Хизбаллы» привели в действие взрывное устройство, когда наши солдаты патрулировали...

1

— А между тем Машиах придет в две тысячи седьмом году! — Сема закурил и, спохватившись, стал ковшиком ладони предупредительно гонять дым перед носом собеседницы. — И я это с детства знал.

— Да? — вежливо заметила она, размешивая ложечкой сахар в кофе.

Буквально минут за пятнадцать до того они закончили писать в студии радиопередачу на тему «Литературная Родина». Сема, ведущий передачи, спрашивал ее, редактора литературного приложения од-

8 ной из русских газет, — возможно ли, по ее мнению, дальнейшее развитие русской литературы в условиях Ближнего Востока. И она абсолютно серьезно отвечала, хотя за выступление не платили, как и за многое другое. Да если б и платили? Смешно, копейки... Нет, это она из дружеского расположения к Семе согласилась прийти и, рискуя репутацией приличного человека, нести в эфире тошнотворную ахиною: да, она считает, что... уникальная культурная ситуация... благодаря массовой репатриации, в нашем государстве образовалась концентрация творческих сил... влияние на дальнейший расцвет...

Какой расцвет?! Расцвет — чего?! Дайте спокойно умереть... Впрочем, Семины литературные передачи шли на Россию, а значит, их никто не слушал.

Под конец, перечисляя авторов своего литературного еженедельника, она увлеклась и разогрелась настолько, что даже прочитала несколько строк стихотворения Вали Ромельга. Словом, забыла — где и зачем находится.

— Ну что ж, впечатляет! — суетливо перебил ее в конце строки Сема Бампер, глядя на часы и пальцем рисуя в воздухе круг. — Итак, напоследок буквально два слова: ваши планы?

— Планы? — переспросила она. Своими идиотскими кругами перед носом Сема сбил ее с настроения. К тому же о планах публикаций на ближайшие номера она уже говорила.

— Ну да. В глобальном смысле.

И опять судорожные круги в воздухе, обеими руками: закругляйся, мать! В глобальном смысле, подумала она, эту передачу никто не услышит.

— В глобальном смысле, — гордо и даже торжественно сказала она в микрофон, — мы и впредь на-

мерены выплачивать авторам небольшой, но твердый гонорар.

Сема подавился заранее приготовленной репликой, должной завершить эту кругленькую передачу.

— Ну, гонорар! — воскликнул он бодро. — Это не главное в творчестве, а лишь незначительное производное.

— К сожалению, незначительное, — поспешно согласилась она. — Зато мы с моим коллегой, графиком Витей, вот уже пятый год получаем приличное жалованье. Разве это не победа над хаосом эмиграции?

Сема округлил глаза, замахал руками и выключил микрофон.

— Вырежу! — пообещал он. — Оборву на стихах Ромельга и пушу Дюка Эллингтона... Хороша, нечего сказать! Гонорар, жалованье, деньги... Старуха, ну нельзя же так... приземленно смотреть на высокое.

— По поводу высокого, — сказала она, вздохнув, — мы чуть ли не единственные, кто платит авторам в этой е... ной русской прессе...

Потом они спустились в местный буфет — большую, вполне уютную комнату на первом этаже, с панелями, незатейливо обшитыми формайкой, — и взяли по чашечке кофе.

Ей вообще-то хотелось пива, но неудобно было обременять Сему — он угощал. Порядочки: за выступление авторам они не платят, но могут оплатить такси и — как стопарь водки грузчику после работы — свести после передачи в буфет.

Сема, как и многие, заблуждался по поводу ее пристрастий — она бы сейчас выпила пива. А может, и граммов пятьдесят коньяка — перед тем, что ей еще сегодня предстояло.

К тому же он вдруг затеял этот идиотский разговор о Машиахе, и она побоялась опять выглядеть слишком приземленной со своей просьбой о пиве.

— А я попробую задержать на год его пришествие! — лукаво и победно закончил он, раскачиваясь на задних ножках стула.

— Зачем? — осторожно спросила она. То, что евреи екнулись на пришествии Мессии (по-здешнему Машиаха), она, конечно, знала и раньше. Но то поголовное, повсеместное, профессиональное ожидание Мессии (ожидание, с вокзальным, справедливо добавить, оттенком), с каким она столкнулась в этой стране, поначалу ее даже обескуражило. К счастью, она сразу поняла, что Ожидание является здесь образом жизни, основным ее содержанием, а она свято относилась ко всему, что составляло основное содержание жизни любого человека.

А тут еще две тысячи лет... С застарелыми болями вообще следует обходиться осторожно, и никаких резких движений...

Сема подался вперед, хлопнувшись на все четыре ножки стула.

— Понимаешь, мне по гороскопу положена в скором будущем одна величайшая международная премия в области изобразительного искусства. Мне ее сперва получить надо, а потом уж... Вообще же Машиах... — Сема остро глянул на нее из-под колючей брови, и она вовремя сделала преданное лицо, все-таки он угощал. — С этим, видишь ли, не все так просто... Ведь Машиахом могут стать некоторые из нас, пути не заказаны. В конце концов, в еврейской традиции, то есть в источнике, Машиах — вполне телесный, реальный человек, полный сил и радости. В ТАНАХе сказано: «Говорил Давид: буду веселиться

я пред Господом». А еще сказано: «И Давид плясал изо всех сил пред Господом; а опоясан был Давид льняным эйфодом». Так что вот, живешь ты, живешь... и вдруг ощущаешь в себе концентрацию неких мощных сил... Так что опрощать не стоит... Ибо Машиах — это... — Он пристально и многозначительно рассматривал столбик пепла на сигарете.

— Это ты? — кротко догадалась его собеседница. Сема запнулся, внимательно поглядел на нее, что-то прикидывая в уме, и наконец проговорил:

— Помолчим пока об этом...

Он проводил ее до проходной, очень складно разместившейся в этом доме старой арабской кладки. Изнутри все было перестроено и модернизировано: автоматически раздвигающиеся двери, зеркала, стойка с телефонами, за которой сидели солдаты — двое парней и девушка.

Они громко над чем-то смеялись и, смеясь, машинально отдали ей паспорт, который она час назад сдала, получая пропуск на студию...

— Ты куда — домой? — спросил Сема, домашнему оправляя на ней воротник плаща. — А мне еще экскурсию вести.

— Ты водишь экскурсии? — удивилась она, хотя давно дала себе слово не удивляться ничему в этой стране, и в частности Семе Бамперу.

— Да я бы с удовольствием послал на фиг всех туристов, но видишь ли, — Сема улыбнулся застенчивой улыбкой, — моя слава ведущего русского экскурсовода бежит впереди меня...

Она представила себе Семину славу, трясущую впереди него в образе собаки, на бегу выкусывающей блоху. И как Сема попевает за этой своей славой, то и дело подавая ей ногой под хвост.

12 Сема Бампер давно уже поражал ее жизнерадостной доброжелательностью ко всем, широтой души и абсолютной незлобивостью. А ведь в молодости Сема был боксером, подумала она. Бил морды, надо полагать. И ему били... До известной степени Сема оставался для нее загадкой.

— А кого ты сегодня водишь? — спросила она.

— Одну миллиардершу-магометанку из Набережных Челнов и ее рабыню-христианку, — сказал Сема. — Раскидаю их по святыням, и будь здоров...

Нет, прочь, прочь отсюда, пока бедный разум вмещает хоть какое-то подобие реальности... Миллиардерша-магометанка. Причем из Набережных Челнов. И ее рабыня, значит. Христианка.

— Рада была повидать тебя, — сказала она и пошла вверх по узкой и крутой улице Королевы Елены, по которой всегда боялась ходить в сумерках. Улочка была не из приятных: слева тянулся забор столетней каменной кладки, справа зияли мусорные подворотни — эта улица спускалась к старому и неудобному району Мусрара, граничащему с Восточным Иерусалимом.

Ничего, спокойно: отсюда метров сто до освещенного перекрестка, до пригласительно светящихся полуарочных окон курдского ресторана «Годовалая сука». Иди ровно, дыши легко и не оборачивайся на подозрительные шаги за спиной... Да, а в «Годовалой суке» подают великолепный «марак-кубэ», острый суп, в котором плавают большой жареный пирожок... И недорого, шекелей семнадцать...

Сзади шелкнул затвор оружия.

Шея!!!

Она рывком — как всегда, нелепо, жалко дернувшись, — оглянулась.

За нею неторопливо трусил старичок с пуделем, пощелкивая кнопкой переключения длины ремня на ободке поводка. Мирный старикан, очаровательный пудель. Человек прогуливает своего пса, идиотка ты старая...

Не вернусь сегодня, решила она. Чтоб мне провалиться, — именно сегодня ехать нельзя!

На остановке она позвонила домой из телефона-автомата. Взял трубку муж.

— Я не вернусь сегодня, — сказала она.

— А когда-нибудь вернешься? — спросил он, как обычно, по отношению к ней — насмешливо-меланхолично. Он был человеком сильных страстей и ради нее когда-то в одночасье пустил по ветру всю свою прошлую жизнь.

— Когда-нибудь вернусь. Ты уложил Мелочь?

— Да спит, спит...

— А Кондратику температуру мерил?

— Не волнуйся, он даже немного поел... — Мелочь — была семилетняя дочь, вымученный поздний ребенок. Кондратик — годовалый тибетский терьер, единственная радость сердца, внимательный собеседник и душа-человек...

— Зяма! — сказал вдруг муж, и она задержала трубку. — Вы мне нравитесь! Вы — неброская женщина, но мне вы подходите. Кто у меня остался, кроме вы!

Она засмеялась и повесила трубку.

Успела вскочить на подножку автобуса. Завтра семичасовым ехать на работу в Тель-Авив и действительно разумнее переночевать у родителей.

Они снимали квартиру в двух минутах ходьбы от автобусной станции.

Это мужское имя она получила в честь деда Зямы, Зиновия Соломоновича, старого хулигана, остроумца, бабника и выпивохи, комиссара и гешефтмахера, — коротышки дьявольского обаяния.

Его невестка, родив вместо ожидаемого сына недоношенную девочку, все-таки упрямо назвала ее Зиновией — к ужасу и возмущенным воплям всей еврейской родни.

У евреев запрещено называть новорожденного в честь еще живущего человека. Считается, что этим ты как бы намекаешь живому, что ему уже есть какая-никакая замена поновее и он может быть свободен от занимаемого на земле места.

Если вдуматься, так это действительно некорректно. Что ей — мало было имен, тем более женских — легких, звучных, раскатистых: Регина, например, Маргарита, Вероника...

Но мать была упряма, молода, по отцу вообще была русской (а у тех, наоборот, принято называть детей в честь вполне еще полнокровных людей). На еврейские обычаи и заведенные давным-давно привычки мать смотрела со снисходительным спокойствием. К тому же она боготворила деда. Впрочем, как и все женщины, когда-либо его окружавшие.

Поначалу в семье пробовали называть девочку Зиной (Зиночка, Зинуля). Но она уродилась такой копией деда, особенно в раннем детстве — до карикатурного сходства: щеки свисали на плечи, крепкие толстые ножки проворно семенили вразвалочку, круглые зеленые глаза так лукаво и пристально разглядывали этот мир, что домашние сдались. Она была Зямой, урожденной Зямой, и ничего тут уже не поделаешь.

И так, под обиженные причитания еврейских тек и дядьев, прожили они — Зяма и Зяма — во взаимном обожании целых девятнадцать лет, до того дня, вернее, утра, когда дед не проснулся, не открыл глаз, не вставил новенькую дорогую челюсть, не крикнул на всю квартиру: «Мамэлэ, иди послушай этот сон, ты лопнешь со смеху!»

Он умер во сне мгновенной легкой смертью праведника, с вечера... — да, по-видимому, без этой детали не обойтись, — с вечера вымыв ноги.

Вот это «с вечера вымыв ноги» упоминалось в родне непременно, когда заходила речь о смерти деда Зямы, словно в этом немудреном действии заключен был некий мистический смысл очищения от праха земной юдоли, а возможно, и от конкретных земных грехов краснобандитской его юности, с ее боями, погромами и пьянством, с его знаменитыми комиссарскими сапогами.

Дед умер во сне, с вечера вымыв ноги.

Понятно, что на этом могли заикнуться тетя Бася, Фира или дядя Исаак, ну даже отец — куда ни шло. Но Зяма-то, Зяма! — к тому времени студентка второго курса консерватории, — при чем тут это предсмертное омовение ног?!

Нет, и много лет спустя, рассказывая о смерти деда, заранее дав себе слово обойтись без уточнения никому не интересных обстоятельств, она говорила светло и просто:

«Деда умер во сне, как праведник... — и, чувствуя, как некая смысловая сила, подобная тугой струе воздуха, втягивающей соринку в хобот пылесоса, тащит ее к завершению фразы, — покорно и тихо заканчивала: — ...с вечера вымыв ноги...»